

В головах у всех мгновенно сложилась четкая картинка: Лю Бай, тот самый толстяк из второго класса первого года обучения, умудрился заарканить одновременно и школьного задиру Чжоу Вэя, и первого красавца Цю Юя! А теперь эти двое, обезумев от ревности, устроили из-за него мордобой.

Да чтоб тебя... Чистая зависть и лютая ненависть!

Толпа зевак сверлила Чэн Пана взглядами, полными негодования, — казалось, воздух вокруг наэлектризовался от их праведного гнева. Он чувствовал себя мишенью, в которую вонзаются тысячи невидимых стрел.

Благо броня у него была знатная: слой жирка позволял еще какое-то время держать оборону. Он робко подал голос:

— Вы всё не так поняли! Это письмо было для Чжоу Цянь!

Ху Пэн возмутился первым:

— Да пошел ты! Хватит нам тут сказки рассказывать!

«Вообще-то идиома звучит как "выдавать оленя за лошадь", но здесь она явно не к месту», — меланхолично подумал Чэн Пан.

— Ох, как бы я хотел, чтобы это и впрямь было ошибкой! — всхлипнул один из учеников.

Чэн Пан решил воззвать к логике:

— Неужели вы и впрямь думаете, что во мне есть хоть что-то, способное привлечь этих двоих?

Толпа задумалась. А ведь верно, что такого в этом Лю Бае, раз по нему сохнут сразу два школьных идола? Неужели дело в...

Все разом азартно блеснули глазами.

Всё дело в его теле!

Если присмотреться, Лю Бай был таким мягким, пухленьким и уютным. Настоящий «пухляш удачи». Так и тянуло сгрести его в охапку и как следует потискать. Помять щечки, похлопать по животу, ущипнуть за мягкое место... Ощущения, должно быть, просто божественные!

Может, Чжоу Вэй и Цю Юй просто оценили эту потрясающую фактуру?

В конце концов, красавцы и фотомодели встречаются на каждом шагу, а вот такое идеальное, нежное и упругое тельце — дефицит! В таком возрасте плоть еще не огрубела, она гладкая и податливая...

— Я слышал, в последнее время в стране настоящий бум на ценителей форм, — задумчиво потирая подбородок, произнес один из старшеклассников. — Многих теперь тянет на пухляшей.

— Точно, — поддакнул другой. — Вспомните эпоху Тан — тогда тоже процветал культ пышной красоты.

— По-моему, толстячки — это ужасно мило, у-у-у, — завывала какая-то девчонка.

— Я всё понял! — хлопнул в ладоши парень из толпы. — Хочешь покорить сердце бога — набери вес и стань сдобным. Всё, иду за бургерами!

— И я! У меня в сумке как раз припрятана плитка шоколада!

Тут же одна из школьниц выудила из кармана пачку чипсов и принялась уплетать их за обе щеки, не сводя вождя с Чэн Пана.

Тот невольно обхватил себя руками, затрепетав всем телом:

—...

Куда он попал? Что не так с чувством прекрасного в этом мире?!

В этот момент в кольцо окружения наконец вклинился завуч. Ученики, только что аплодировавшие драке, мгновенно сменили маски на скорбные и принялись лицемерно причитать:

— Ой, перестаньте! Ну что вы, в самом деле, мы же одноклассники, неужели нельзя договориться по-хорошему?

— Вот именно! Учитель пришел, расскажите ему всё как есть!

Чэн Пан только диву давался: «Ну и притворщики!»

Хэ Чжужэнь, внушительный мужчина ростом под метр восемьдесят и весом под центнер, растолкал толпу и зычно гаркнул:

— А ну разошлись! Хватит махать кулаками!

Лишь почувствовав за спиной надежную опору в лице администрации, ребята осмелели и бросились разнимать Чжоу Вэя и Цю Юя. Драчуны, уже не видевшие ничего вокруг от ярости, тяжело дышали, буравя друг друга дикими взглядами.

— Совсем стыд потеряли? — прогремел завуч. — Что за мордобой посреди школы?! В чем причина?

Оба угрюмо молчали. Завуч перевел взгляд на массовку.

Зрители, проявив чудеса командной смекалки, синхронно сделали шаг назад, оставив Чэн Пана в гордом одиночестве на расчищенном пятачке.

Он нервно дернул пальцем: «Мало того что лицемеры, так еще и подонки!»

— Значит, это из-за него? — уточнил завуч.

— Именно, — кивнула толпа.

— И что не поделили?

— Пытался усидеть на двух стульях, — зашептали из толпы. — Приревновали.

Чэн Пан прикрыл глаза, мечтая провалиться сквозь землю.

— Это не имеет к нему отношения, — подал голос Цю Юй. — У нас с Чжоу Вэем старые счеты.

Чэн Пан бросил на него благодарный взгляд: «Вот он, настоящий бро».

Цю Юй мысленно ответил: «Всё в порядке, Бай-бай, я тебя в обиду не дам».

Завуч пару секунд размышлял, а затем ткнул пальцем в троицу:

— Вы двое. И ты, пухлый, — за мной.

— Э-э? А я-то почему? — опешил Чэн Пан.

— Буду выяснять детали происшествия.

— Учитель, нет там никаких деталей, — попытался выкрутиться Чэн Пан. — У нас просто очень... чистая мужская дружба.

Го Ю замер с каменным лицом. Ху Пэн мысленно выругался: «Какая, к черту, чистая дружба?!»

В толпе послышались смешки: «Ну дает, ну артист».

— Ты посмотри на их рожи, — хмыкнул завуч, — а потом еще раз расскажи мне про "чистую дружбу".

Чэн Пан застыл.

Оглядываться он побоялся. Спустя полминуты он просто понуро опустил голову.

Завуч недовольно фыркнул, и Чэн Пан послушно поплелся следом.

Атмосфера за их спинами была, мягко говоря, наэлектризованной. После фразы про «дружбу» взгляды Чжоу Вэя и Цю Юя превратились в два тяжелых орудия, нацеленных прямо в затылок толстяку.

В учительской одна из коллег удивленно вскинула брови:

— Ого, драка? Из-за чего?

— Ранняя любовь! — отрезал завуч.

— Сразу у троих?

— На двоих один... толстяк.

Учительница на мгновение лишилась дара речи, а когда смысл сказанного дошел до нее, она с нескрываемым изумлением уставилась на Чэн Пана.

Тот хотел было возразить, но вовремя прикусил язык: «Ладно. Маленькому толстяку не с руки тягаться с большим».

Завуч завел их в пустую внутреннюю комнату кабинета и, устроившись на своем месте, оглядел выстроившуюся перед ним шеренгу.

Цю Юй был воплощением ледяного спокойствия, Чэн Пан мелко дрожал от тревоги, а Чжоу Вэй нагло усмехался, небрежно отряхивая рукав.

— Ну, я слушаю. Как до такого докатились?

Тишина.

— Цю Юй, начни ты.

— Я просто хотел, чтобы Чжоу Вэй перестал издеваться над Лю Баем.

— Чжоу Вэй, твоя версия?

— Каким местом ты увидел издевательства, придурок?

— Заставлять его напяливать женское платье и высмеивать любовное письмо — это, по-твоему, дружеская шутка? — Цю Юй и не думал отступать.

Чжоу Вэй уже открыл рот для сочного ответа, но завуч хлопнул ладонью по столу:

— Тишина!

— Лю Бай, теперь ты.

«Папа Ди, я, твой верный Су Юаньфан, просто в ауте», — тоскливо подумал Чэн Пан.

Завуч прищурился:

— Весь вопрос в тебе. Ты считаешь себя жертвой издевательств?

Чэн Пан вскинул голову, хотел что-то сказать, но в последний момент снова сник.

— Конечно, он боится говорить это при Чжоу Вэе, — вставил Цю Юй.

Чжоу Вэй дернулся к нему:

— Ты нарываться вздумал?!

Завуч вскочил со стула:

— А ну сели! Думаете, я тут с вами шутки шучу? Еще одно слово — и я вызываю родителей. Поверьте, они к вашим амурным делам отнесутся далеко не так лояльно, как я! Пошли вон из кабинета! Оба!

Цю Юй и Чжоу Вэй, сжав зубы, вышли в коридор.

«Слава небесам, — выдохнул Чэн Пан, — нашелся человек, способный их утихомирить!»

Как только дверь за ними закрылась, завуч тяжело опустился на стул. Чэн Пан посмотрел на него с надеждой и мольбой в глазах.

Он выложил всё как на духу: и про письмо для Чжоу Цянь, и про странную реакцию Чжоу Вэй, и про то, как Цю Юй всё не так понял...

— То есть, по-твоему, — завуч скептически выгнул бровь, — ты просто хотел признаться девочке, Чжоу Вэй решил, что это ему, Цю Юй решил, что тебя травят, и в итоге они подрались на ровном месте, а ты тут ни при чем?

— Именно так, учитель!

Завуч с грохотом припечатал ладонь к столу:

— И ты думаешь, я поверю в этот бред?!

—...

— Надо же, какая чистая и невинная «жирная лилия»! Книжек перечитал? Думаешь, можно крутить хвостом перед двумя парнями и выйти сухим из воды?

— Учитель, это не так... я не хотел...

— В таком возрасте надо о граните науки думать, а не о любовных треугольниках!

«И почему он говорит стихами?» — мелькнуло в голове у Чэн Пана.

— Забыл про ценности и нормы? Сидишь на двух стульях и думаешь — звезда школы!

«Опять рифмуется...»

— Обаяние — вещь хрупкая, парень. Подумай лучше о будущем. Кто будет с тобой через десять

лет? Эти двое? Нет! С тобой останутся только твои оценки и... твоя чистая душа под этим слоем жирка!

Чэн Пан закрыл лицо руками:

— Я виноват... правда виноват...

— Раз виноват, слушай дальше. Я видел кучу таких «любителей драм», которые думали, что любовные интрижки — это весело. А в итоге — разбитые сердца, сломанные судьбы и полное разочарование в людях. Важно беречь не только тело, но и чистоту помыслов... Это фундамент жизни. Когда я был молод, за мной тоже бегали толпами, но я сохранил свою крепость...

Спустя полчаса изнурительной нотации Чэн Пан вылез из кабинета. Вид у него был такой, будто из него выкачали весь воздух.

— Учитель велел нам всем троем написать объяснительные, — прошепел он едва слышно. — И со следующей недели до пятницы мы должны оставаться после уроков и подметать спортивную площадку.

Чжоу Вэй лишь пренебрежительно хмыкнул — делать он, разумеется, ничего не собирался.

Цю Юй обеспокоенно заглянул Чэн Пану в лицо:

— Ты как?

— QAQ...

Цю Юй взял его за локоть:

— Пойдем в класс.

— Это куда он пойдет? — влез Чжоу Вэй.

— Не обращай внимания, — процедил Цю Юй сквозь зубы.

Чжоу Вэй больше всего на свете ненавидел ложь и пренебрежение. Он холодно бросил:

— Лю Бай, ко мне.

Цю Юй не разжал руки:

— Мы уходим.

— Я сказал — ко мне.

— Думаешь, если у тебя влиятельная семейка, тебе всё можно? — вспылил Цю Юй.

Чжоу Вэй окончательно взбесился:

— Советую тебе не вставать у меня на пути, если не хочешь проблем.

— А я советую тебе оставить Лю Бая в покое! — не остался в долгу Цю Юй.

Их взгляды скрестились, словно в воздухе посыпались искры.

В этот момент из кабинета донесся громовой рык завуча:

— Вы что там опять затеяли?!

Драчуны еще не успели среагировать, а Чэн Пан, услышав этот голос, мгновенно вывернулся из их рук. Он пулей скатился по лестнице и, забившись в самый дальний угол за зданием школы, где его точно не нашел бы завуч, присел на корточки и принялся меланхолично рисовать пальцем круги на пыльной земле.

"Система, ты же говорила: используй свое роскошное тело и твори что хочешь!"

"Ну и где всё это?"

"Эх... как же я устал. Никакого "что хочу" не будет. В этой жизни — точно"

<http://bllate.org/book/17527/1694160>